

Мэри Эриа
ЭНОХИАН
КРИК ПРОШЛОГО

Мэри Эриа Энохиан. Крик прошлого

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20617140
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Кто ты, Тали? Как попала в такое ужасное место и станет ли твоя жизнь лучше, когда ты сбежишь? События второй части книги заносят нас в 1935 год. На этот раз в центре событий девушка, чьи способности поражают, а история ее жизни слишком тумана даже для нее самой. Кто такая Каталина Ботрайт и почему она так важна для будущего, которое мы уже знаем из первой части Энохиана?

Содержание

Пролог	4
Часть первая	8
1. Незнакомый мне безумец	8
2. Хорошая девочка?	21
3. Эксперимент	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мэри Эриа

Энохиан. Крик прошлого

Пролог

Дорогие читатели! Хочу предупредить Вас, что во второй части книги «Энохиан», так же, как и в первой, все действия происходят в вымышленных местах, которые никогда не существовали в реальности.

Психиатрическая лечебница, 1935 год

Одним из немногих преимуществ пребывания в психиатрических лечебницах было то, что постепенно я привыкла к ночным крикам. К моим собственным уже давно никто не прислушивался. Я не помню свои первые дни или ночи, проведенные в этом месте. Не помню, кем была до того, как попала в лечебницу. Не помню, почему здесь оказалась. По сути, я не помнила ничего. У меня были лишь какие-то ошметки от моего настоящего имени и диагноз, в который я отказывалась верить.

Лежа в своей одиночной палате, я смотрела на звезды сквозь маленькое окошко под самым потолком. Кто я? Этот

вопрос я задавала себе каждую ночь и каждый день, но никогда не получала ответа. Моя память была полностью стерта электросудорожной терапией. Иначе ее называли ЭСТ или электрошок. Не знаю, сколько раз мое тело билось в конвульсиях, когда по нему проходил мощный заряд тока, но я догадывалась, что мой мозг все больше начинает напоминать желе. Собственно, этого эффекта врачи и добивались. Они свято верили, что путь к исцелению лежит через слабоумие, которое мне постепенно навязывали все новыми и новыми процедурами. Вот только от чего меня так яростно пытались вылечить?

Я не была такой, как другие. Я не говорила сама с собой, не пыталась уверить других людей в чем-то невероятном, я не совершала безумств. Тали, а именно так меня называли, была простой девушкой, которая вообще мало говорила. Но что, если раньше все было иначе? Как понять, кто ты, если все вокруг кажется неправдоподобной ложью?

Тихая и ясная звездная ночь была потревожена новым диким криком, доносившимся из чьей-то палаты. С моих губ сорвался вздох, но я даже не пошевелилась.

Новый крик, а за ним слышны тяжелые шаги санитаров. Наверное, на этот раз они были не намерены терпеть подобное или же им просто стало скучно. Я знала, что последует за этими шагами.

Они называли это лечением. Я же считала пыткой. Для всего мира люди, запертые здесь, всего лишь балласт.

Ненужный мусор. Родные и близкие запирают в подобных местах тех, кого не в силах понять, и с радостью забывают о нас. Порой я была даже рада, что не помню своего прошлого. Это было что-то вроде небольшой мести, суть которой заключалась в следующем: если обо мне забыли они (то есть моя семья, если она, конечно, существовала), то я тоже о них помнить не буду. Так было проще притворяться, будто прошлого у меня вообще нет. Что по ту сторону от решеток у меня нет семьи, друзей или любимых, к которым мне бы хотелось вернуться. Уж лучше думать, что ты одинок, нежели осознавать, как сильно ты безразличен людям, которые заперли тебя в этом месте.

Крики резко оборвались, и на смену им пришли звуки ударов. Санитары добрались до своей цели и теперь прописывали ей особое «лекарство». После подобного лечения нам часто приходилось просить помощи не только у психиатров, но и у травматологов, хирургов, а порой даже патологоанатомов. Я слышала хриплые женские крики, которые прерывались новыми ударами, и в моей памяти, словно яркие огоньки, вспыхивали какие-то образы. Вот только они гасли так быстро, что я не могла рассмотреть ни одного из них.

– Хватит! – умоляюще закричала душевнобольная, чей голос я даже не узнала. – Прошу! Остановитесь!

Яркая вспышка света. Кто-то падает и кричит мне бежать, как можно быстрее. На меня накатывает паника, и я вжимаюсь спиной в дряхлый матрац, прижимая ладони к голове.

Что это было? Откуда взялись эти образы? Реальны ли они? Что, если это всего лишь шутки искалеченного сознания?

Новая волна криков снова доносится из-за тяжелой железной двери, которая отделяет меня от всего мира. Резкий звук удара, и чье-то тело падает, а одновременно с этим звуком в моей голове снова просыпается что-то страшное. Это заставляет меня вскочить с кровати и, забившись в угол, схватиться за голову. Я начинаю раскачиваться туда-сюда, прижимая к груди колени.

– Я не хочу этого помнить, – словно давно забытую молитву, тихо повторяю я. – Я не хочу этого помнить. Я не хочу этого помнить.

– Каталина! – зовут голоса внутри моей головы.

– Я не хочу этого помнить, – отвечаю я им и самой себе. На глаза наворачиваются слезы, вызванные паникой, отчаяньем и болью, источник которых мне неизвестен. Я затыкаю уши руками, а пальцы с силой тянут за растрепанные волосы.

– Каталина Ботрайт! – зовут они меня.

– Я не хочу этого помнить! – уже во всю глотку ору я, надеясь, что вот-вот санитары займутся и мной. Пусть лучше я буду чувствовать их безжалостные удары. Это лучше всего того, что разгорается в моей голове. Мне страшно от осознания того, что мои воспоминания могут вернуться. Вот только чего именно я боюсь?

Часть первая

В лунном свете

1. Незнакомый мне безумец

Мое тело все еще была нервная дрожь, но я все же шла в общем потоке больных. Нас, словно стадо овец, вели на прогулку в больничный двор. Это было жуткое место с моей точки зрения. Повсюду все такие же серые стены и решетки. Земля почти везде залита бетоном. Будто мы не выходим на улицу, а заходим в помещение без крыши. Нас заставляют побольше двигаться и дышать полной грудью, но отсутствие крыши над головой совсем не означает, что я не чувствую едкого запаха лекарств, дезинфекции, сумасшествия и смерти.

Легкое дуновение летнего ветерка заставило меня вынырнуть из мрачных мыслей. Мы приближались к открытым настежь железным дверям, в которые проникал яркий солнечный свет. Какой же жестокий обман это был для каждого, кто еще не до конца утратил рассудок и втайне надеялся однажды выбраться из лечебницы! Ты видишь перед собой открытые двери, чувствуешь свежий воздух на щеках, следишь, как робкие лучи солнца встречают тебя, но стоит лишь

переступить порог, как натыкаешься на очередную неприступную стену высотой в несколько футов и колючей проволокой, проведенной на ее вершине. Порой мне казалось, что суть подобных мест была не в том, чтобы вылечить душевнобольных, а в том, чтобы убить их окончательно. Ведь если нельзя просто пристрелить нас, так почему же не отобрать единственную дорогую вещь, которая помогала нам еще хоть как-то держаться в этом мире? Почему бы не отобрать надежду? Наверное, им нравилось напоминать нам о том, что выхода из этого места нет и никогда не будет.

Этой ночью прошел сильный дождь, и поэтому вокруг витал запах мокрой земли и асфальта. Он что-то мне смутно напоминал, но совсем недавняя процедура с использованием ЭСТ не позволяла этим воспоминаниям прорваться и обрести форму.

Больные медленно разошлись по небольшому двору. Им даже позволили играть в мяч или просто сидеть на немногочисленных лужайках, наслаждаясь солнцем. Санитары и некоторые медсестры стояли у входов во двор или у стен и внимательно следили за каждым из нас. Я устроилась на небольшом холмике, который был под самой стеной и едва покрывался свежей травой. Прислонившись спиной к стене, я лениво водила пальцами по маленьким травинкам, ощущая их влагу.

Мое одиночество продлилось совсем недолго. За все то время, что я пробыла в этом месте, хотя, наверняка я не мог-

ла сказать, как долго это было, у меня был один-единственный друг, которым я очень дорожила. Тиму было не больше восемнадцати, хотя пробыл он в этом месте большую часть своей жизни. Он, как и я, не помнил, почему здесь оказался, но продолжал верить, что однажды нам удастся сбежать, и тогда мы будем по-настоящему счастливы.

Я заметила, как он с улыбкой идет ко мне. Худощавый, но высокий. С темно-русыми волосами, которые стоило бы подстричь. Большие светло-карие глаза на выкате и очень худое лицо с резкими и угловатыми чертами. Возможно, он и не был ослепительно красив, но все же меня всегда к нему тянуло, словно магнитом. Я ведь и сама не была красавицей со своей бледной кожей, черными, словно воронье перо, волосами, большими и неестественно голубыми глазами и маленькими чертами лица.

Наверное, многие могли бы подумать, наблюдая за нами со стороны, что между нами есть какие-то романтические отношения. Мне всегда хотелось рассмеяться, когда мои врачи предполагали нечто подобное. Во-первых, любая романтика была бы дикостью в подобном месте. Ну, сами подумайте, какие могут быть сантименты, когда тебя хотя бы раз в неделю бьют током, а каждый вечер пичкают лекарствами, после которых ты даже на овоща не особо смахиваешь?

А во-вторых, Тим был для меня кем-то вроде брата. Я действительно любила его, но только как человека, с которым меня очень многое связывает. Как друга.

– Как твоё лечение? – плюхаясь рядом со мной на траву, спросил Тим.

Он всегда замечал свежие ожоги на моих висках, которые оставались после ЭСТ. Я неуверенно передернула плечами и опустила взгляд. Руки Тима тоже подрагивали, и он постоянно их потирал, будто пытался унять дрожь. У нас был один и тот же диагноз: шизофрения. Вот только у меня врачи выявили легкую форму шизофрении, главным симптомом которой были слуховые галлюцинации, а с Тимом все было куда сложнее. Порой он не только слышал голоса, но даже видел их владельцев, которых на самом деле никогда не существовало. Я несколько раз видела, как он кричал и бился в истерику, пытаясь избавиться от «непрощенных гостей». Были ли они реальны или же мы действительно больны? Кто знает.

– Знаешь, – неожиданно бодро заговорил мой друг. – Я думаю, что, когда мы выберемся, нужно поселиться где-нибудь у моря.

Я улыбнулась, но не стала поднимать взгляд на парня. Тим часто любил рассказывать о том, какое у нас будет будущее, отвергая любую вероятность того, что мы можем провести в лечебнице остаток своей жизни.

– Точно-точно! – возбужденно заговорил парень. Он всплеснул в ладоши и закивал своим мыслям, а его тонкие губы растянулись в улыбке. – Вот увидишь, Тали, мы совсем скоро убежим и сядем на какой-нибудь поезд, который уве-

зет нас очень далеко. Будем жить на самом красивом берегу самого красивого моря, и люди, проходя мимо, будут завидовать нашей свободной и счастливой жизни.

Я была младше Тима всего на два года, но порой мне казалось, что все совершенно иначе. Он так часто погружался в свои собственные мечты, что порой ему даже удавалось улететь душой из этого злосчастного места и на какое-то мгновение стать по-настоящему счастливым. Иногда я так завидовала ему. Меня-то реальность держала на короткой цепи, не позволяя даже на мгновение забытья.

– А кем же мы будем работать? – спросила я, подыгрывая Тиму.

Парень на мгновение задумался, а затем вскочил и протянул мне руку. Его возбужденные, как всегда, было заразительным, и поэтому, недолго думая, я подала ему свою худую ладонь. Тим быстро поднял меня на ноги, и его лицо озарила счастливая улыбка, будто он уже был не здесь, а в мире, который сам и придумал.

– Я смог бы работать автомехаником в самом лучшем салоне города, в котором нам пришлось бы жить, а ты бы стала известной и красивой певицей, ради которой мужчины были бы готовы на все, – весело рассказывал Тим.

Его не волновало, что мое худое тело и лицо не были привлекательными. Что мои волосы были растрепанными и неопрятными. Кожа сухая и местами изуродованная старыми шрамами. Тим не замечал, что мой голос хриплый от ча-

стых криков и что я никогда не пою. Ему было все равно, что на нас серая больничная одежда, больше похожая на мешки, которые надели на скелеты. Для него этот мир был не больше, чем страшный сон, который очень быстро превращается в расплывчатое воспоминание сразу же после пробуждения.

– Я бы защищал тебя от надоедливых ухажеров, – держа меня за руки, говорил Тим, глядя куда-то вдаль. – А вечерами бы мы ходили в самые разные клубы и танцевали бы всю ночь напролет.

Будто в подтверждение своих слов, Тим закружил меня в импровизированном танце, и это заставило меня рассмеяться. Тим тоже смеялся, пока мы кружили по старому больничному двору. В какой-то миг я поддалась его фантазиям и позволила себе представить, что сейчас на мне не длинная серая рубашка, а красивое платье. Вокруг нас не серые стены с колючей проволокой, а шикарный салон, где модно одетые горожане выплывают под веселую музыку. Я заметила, что некоторые из больных стали хлопать в ладоши, словно маленькие дети, другие начали кружиться вокруг своей оси или вздывать руки к небу. Те немногие, чье сознание было лишь частично искалечено, просто оставили все свои дела и с улыбками смотрели на нас и тот бедлам, что мы устроили. Все мы были полумертвыми скелетами, запертыми в убогих серых стенах, которые не приносили ничего, кроме боли, но сейчас наша с Тимом радость заражала других пациентов. Они смеялись, раскачивались в такт, который сами же

для себя и установили, пытались танцевать. Некоторые даже пели. Санитары попытались не реагировать на гомон, поднявшийся во дворе, и позволили нам почувствовать совсем немного свободы.

Правда, эта свобода продлилась недолго.

Время прогулки закончилось, и всех снова призвали к тишине. Те, кто отказывался повиноваться, были награждены новыми ударами и синяками. Постепенно радость и надежда, которую Тим успел подарить больным, угасла. Мы снова вернулись в лечебницу, где нет места подобным чувствам. Снова я слышала тихие всхлипы, стоны, истерический смех и безумное бормотание.

– Вот увидишь, – прошептал Тим мне на ухо, когда мы шли по полутемным коридорам лечебницы в сторону спального корпуса. – Однажды все будет именно так, как я тебе рассказал.

Прежде чем нас снова растолкали по палатам, Тим сжал мое запястье своими прохладными руками и, подмигнув, ушел с несколькими больными и санитарями в другую сторону.

Следующий день не многим отличался от предыдущего. Разве что сегодня нас не отправили на прогулку, а заперли в большом и душном зале всего с одним окном. Будто пытаясь компенсировать нехватку солнечного света, которому просто неоткуда было взяться, строители сделали в этом зале одно окно, идущее от самого пола и до потолка. Конечно

же, по обе стороны от стекла были кованые решетки, а вид выходил на каменные стены, но это было хоть что-то.

Продавленное и затертое кресло у этого самого окна было моим любимым местом в лечебнице. Мне не было дела до карандашей и красок, которые валялись на столах в середине зала. Не было дела до пианино, которое беспрерывно издавало игруемую каким-то больным какофонию. Я плевать хотела на макраме и другое рукоделие, которым занимались другие. Все, что мне было нужно, это лишь один-единственный взгляд на небо.

Не важно, была ли это плохая или хорошая погода. Я любила солнечную погоду, когда по бескрайнему нежно-голубому простору плыли пушистые облака. Любила грозовые серые тучи, которые так часто пугали других больных. Любила звезды и луну на темно-синем или черном полотне. Тим разделял мое увлечение, и мы часто сидели в креслах у окна, пытаясь увидеть какие-то фигурки в облаках.

Но сейчас Тима в зале не было. Наверное, ночью ему стало плохо и теперь над ним в очередной раз издевались уроды в белых халатах, смеющие называть себя врачами. Я не могла пойти к нему, не могла даже спросить у санитаров или медсестер, что с моим другом. Нам никогда не отвечали. Поэтому приходилось лишь ждать.

Двустворчатые двери, рядом с которыми всегда дежурили санитары, с неприятным скрипом открылись, и в зал ввели, а точнее, приволокли, какого-то беднягу. Никто из больных

не обратил на него внимания, и я тоже захотела отвернуться, но прежде чем мне удалось это сделать, я поняла, куда они волокут его.

Рядом со мной редко кто-то сидел. Наверное, других больных отпугивал мой мрачный вид, или же дело было в Тиме, который всегда сидел рядом со мной и занимал свое законное место в таком же потертом кресле. Санитары проволокли, держа под руки, совсем молодого парня через весь зал и пренебрежительно бросили его в кресло, а затем ушли. Я бросила быстрый взгляд на виски нового пациента, но кожа на них была бледной и нетронутой. Значит, его просто чем-то накачали. Почему-то мой интерес к новенькому возрос, и я стала более внимательно наблюдать за ним.

Руки парня раскинулись в разные стороны и слегка подрагивали. Голова откинулась назад, словно у безвольной куклы. Его лицо было мертвенно бледным, а глаза закрыты. Бледные пухлые губы были искусаны и местами даже кровоточили, нижняя губа чуточку больше верхней. Он немного приоткрыл рот, тяжело дыша. Бледная кожа подчеркивалась темными волосами и длинными ресницами, которые чуть ли не щекотали щеки.

У всех больных была одинаковая серая одежда. У женщин – длинные, почти до самой щиколотки, серые рубашки, а у мужчин – мягкие штаны и кофта. Чаще всего эти вещи висели на нас, словно мешки, но этот парень пробыл здесь недостаточно долго, чтобы потерять хорошую форму. Его тело

все еще казалось сильным и мускулистым, несмотря на скрывающую достоинства серую одежду.

Да, он определенно был красив.

Возможно, именно его красота подкупила меня. В этом месте было так мало хорошего, что каждый из нас невольно тянулся ко всему, что могло быть хотя бы чуточку привлекательным. А может, все дело было в том, что он совсем молод. Это отделение предназначалось для людей постарше, и поэтому мы с Тимом долгое время были самыми молодыми среди других пациентов. Что, если этот парень захочет с нами дружить? Людям всегда нужны те, кому бы они смогли верить. Особенно в подобных местах.

– Эй, – тихо позвала я, подобравшись поближе к спящему. Он не отреагировал, и тогда я неуверенно дотронулась до его плеча. – Проснись.

Не знаю, чего я ждала или на что надеялась. Возможно, мне захотелось, чтобы в лечебнице появился еще один более-менее нормальный человек. Или же мне было попросту жаль молодого парня, на вид которому было не больше девятнадцати, которому пришлось оказаться в этом месте. Единственное, что я знала совершенно точно, так это то, что не хотела ничего плохого. И именно поэтому его следующие действия выбили меня из колеи.

Глаза паря резко распахнулись, и проблеск безумия сделал их похожими на два ярких серо-голубых фонарика. Он резко схватил меня за руку и сжал с такой силой, что я

вскрикнула. Другая его рука почти мгновенно оказалась на моей шее, и я быстро ощутила нехватку воздуха.

Все вокруг превратилось в сумасшедший калейдоскоп. Санитары пытались уговорить переполошившихся пациентов, для которых любое нарушение покоя становилось своего рода толчком к новым приступам. Казалось, будто парень, сжимающий мое горло, стал для душевнобольных спичкой, поднесенной к пороховой бочке. Все кричали, махали руками, бегали по залу. Вслед за криками шли удары и угрозы санитаров, которые все вваливались в зал бесконечным потоком. Они попытались приблизиться ко мне и обезумевшему парню, но он тут же сжал мое горло еще сильнее.

Вслед за санитарями в зал ворвался Тим. Наверное, его вели в палату или же позволили присоединиться к другим больным, но вид у него был замученный. Закатанные рукава серой рубашки обнажали алые кровоподтеки на сгибах локтей. Следы от капельниц. Под глазами были темные круги. Тем не менее, когда мой друг увидел, что какой-то безумец схватил меня за горло, он и сам слетел с катушек. Бросившись через весь зал, он с неожиданной проворностью обошел целую стаю санитаров и оказался ближе всех ко мне и новенькому.

– Отпусти ее! – рявкнул Тим, который обычно кричал лишь тогда, когда у него начинались приступы. Вот только сейчас в глазах парня вспыхнули огоньки злости, и от этого его обычно затуманенный взгляд стал как никогда ясным.

Я заметила, как Тим пригнулся, словно тигр, готовящийся к длинному прыжку, а в следующее мгновение парень, сжимающий мое горло, разжал пальцы и оттолкнул меня в сторону. Я не смогла устоять на ногах и повалилась на пол, хватая ртом воздух и прижимая руки к шее. В этот же момент Тим набросился на новенького и попытался ударить его, но безумец оказался куда сильнее и быстрее. Он увернулся от неуклюжего удара моего друга и, когда тот попытался ударить его еще раз, сам заехал ему кулаком по лицу. Из рта и носа Тима хлынула кровь, но, к собственному достоинству, он сумел устоять на ногах, несмотря на слабость после ночных пыток.

– Не смей! – дико выкрикнула я и сама не поняла, откуда во мне взялась такая злоба и сила. Не раздумывая над тем, что творю, я бросилась на безумца.

Я прыгнула на него и, к своему удивлению, осознала, что мое тело само знает, как нужно действовать в подобных ситуациях. Будто оно зажило отдельной жизнью. Безумец, хотя и был хорош в бою, не ожидал подобного от истощенной и задыхающейся девочки, и поэтому мне удалось ударить его кулаком в глаз. Правда, повторить это оказалось невозможно, так как после моего удара парень будто протрезвел и вовремя успел перехватить мою руку. Я стала вырываться из его железной хватки. Наверное, виной всему было лекарство, которое все еще струилось по венам незнакомца, так как ему не удалось удержать не только меня, но и себя само-

го. Всего за какую-то долю секунды он повалил меня на пол и упал сверху, прижимая к деревянному полу мои руки.

– Хороший удар, – ухмыляясь, проговорил парень.

Его улыбка стала для меня чем-то вроде электрошока, так как я не ожидала такого. Почему он улыбался? Разве мы не дрались? Наверное, он был самым настоящим безумцем, если видел в сложившейся ситуации хоть что-то забавное. Впрочем, все мы были здесь по одной и той же причине.

Я стала извиваться под его телом, пытаюсь вырваться, и вскоре мне на помощь пришли санитары. Хотя «помощью» это можно было назвать с большой натяжкой. Они просто огрели безумца резиновой дубинкой по голове, и когда тот потерял сознание и придавил меня к холодному полу, санитары, наконец, додумались стащить с меня тело парня.

Я быстро отползла в сторону и тут же оказалась в руках Тима. Он тоже сидел на полу, пытаясь остановить хлещущую из носа кровь, но на него никто не обращал внимания. Я чувствовала, как Тим дрожит, но дело было не в боли или очередном приступе. Он был в ярости и сверлил гневным взглядом безумца, который снова оказался в руках санитаров, которые волокли его в неизвестном направлении.

– Чертов олух, – гневно прошипел Тим, прижимая меня к себе в бессмысленной попытке защитить. Откуда у него взялась такая потребность в защите кого-то? Мы ведь давным-давно поняли, что никто не может быть в безопасности в подобных местах.

2. Хорошая девочка?

После того, что случилось этим днем в общем зале, санитары еще долго не могли уговорить больных. Они стали поспешно загонять всех в свои палаты, и я не была исключением, хотя Тим рвал и метал, когда понял, что нам нужно разойтись по разным корпусам.

– С нами-то все в порядке! – протестовал он.

В итоге его наградили увесистым шлепком по лицу и уволок в противоположном от меня направлении. Я смогла избежать новых побоев, но вместо того, чтобы сразу отправить меня в палату, одна из медсестер повела меня в одну из процедурных, где решила осмотреть мою шею.

В процедурной, сразу над небольшим ручном зеркалом, висело зеркало, и пока медсестра копошилась в каких-то ящиках, я украдкой разглядывала себя. У меня были очень черные волосы, едва достигающие до плеча. Они могли бы быть блестящими и шелковистыми, но, учитывая образ моей жизни, волосы больше напоминали комок сбившейся шерсти. Неестественно голубые глаза были еще больше обычного. Иногда они будто сверкали, но это был не блеск жизни, а скорее проблеск безумия. Скулы стали выделяться еще резче, чем я помнила с тех пор, как смотрелась в зеркало в последний раз. Когда это было? Неделью назад? Месяц? Год? Понятия не имею. Время в этом месте измеряется совсем не так,

как на свободе. Хотя, откуда мне знать что-либо о свободе?

– Поверни голову, – приказала пожилая медсестра и, не дожидаясь моей реакции, сама взяла меня за подбородок костлявыми пальцами и вколола что-то мне в шею.

– Что это? – растерянно моргая, спросила я.

Перед глазами все начало плыть. Очертания медсестры стали нечеткими, а ее слова не доходили до моего сознания. Успокаивающие? Но зачем они мне? Ведь я и так была спокойна.

Сквозь накатывающий сон я слышу, как кто-то входит в процедурную. Я борюсь с желанием упасть прямо на пол и вырубиться и с трудом поднимаю глаза на пришедшего. Лишь спустя долгую минуту до меня доходит, что это мой лечащий врач. Доктор Оливер один из немногих, кого я по-настоящему ненавижу. Он всегда был любезным, с виду добродушным и умиротворенным человеком, и это лишь действовало на нервы. Человек, который с таким спокойствием и добродушием прописывает тебе наркотики или пристегивает к электрическому стулу, не может вызывать симпатий.

– Все готово? – спросил доктор Оливер старую медсестру. Готово? Для чего?

– Да, доктор, – прокрихтела старуха, и это были последние слова, которые я услышала, прежде чем упасть в пропасть, созданную мощным наркотиком.

Мне так холодно. И страшно. Я бреду в незнакомом месте, и вокруг меня крошечная тьма. Но какой бы страх я ни ис-

пытывала, я понимаю, что должна идти вперед. В этой тьме скрывается что-то важное. Что-то, ради чего я готова рисковать. Вот только что это?

Резкий крик пробивается сквозь тьму, и я уже не просто бреду, а бегу так быстро, как никогда. Но крик не становится ближе. Он все так же далеко и одновременно близко. Я не знаю кричащего. Я впервые слышу этот хриплый, полный боли крик, но чувствую, что должна помочь. Кто бы это ни был, он важен для меня.

– Каталина! – кричат сотни голосов за моей спиной.

На этот раз я узнаю голоса, но не смею обернуться. Все меняется так быстро, что я даже не до конца осознаю, что именно делаю. Всего мгновение назад я бежала на помощь кому-то, а теперь убегаю, сама моля о помощи.

– Каталина! – повторяют голоса за моей спиной. Они так близко. Слишком близко. – Каталина Ботрайт!

Я чувствую их прикосновения на своей спине, ключицах, плечах... Тьму пронзает новая волна дикого крика, но теперь я понимаю, кому он принадлежит. Мне не нужно искать кого-то во тьме.

Кричу я сама.

– Ей становится хуже! – резко говорит кто-то, не принадлежащий той тьме, в которой я оказалась. – Нужна новая доза снотворного. Быстрее!

– Нет! – кричу я. – Хватит!

Что-то резко выдергивает меня из тьмы, и на секунду ме-

ня ослепляет яркий свет. Спустя секунду я вижу очертания людей в белых халатах. Чувствую на своих запястьях и щиколотках кожаные ремни. Они приковали меня к больничной койке. Что им от меня нужно?

– Сестра, быстрее! – рывкает доктор Оливер, и спустя секунду в его руках появляется большой шприц с какой-то желтоватой жидкостью.

Паника от осознания того, что они снова вгонят меня во тьму, затмевает все другие чувства. Ничего больше нет, кроме одного животного инстинкта самосохранения. Я пытаюсь вырваться из своих оков, но они слишком крепки. Мне кажется, что кто-то заставил стрелки часов двигаться в сотни раз медленнее. Я вижу, как медленно к моей руке приближается острая игла с чертовой отравой. Нет. Я не позволю этого. Не сегодня.

– Я сказала хватит! – резко закричала я, и вместе с моим криком произошло что-то, чего никто из присутствующих не ожидал. Даже я сама.

Лампы, которые были направлены прямо мне в лицо, неожиданно взорвались, накрыв всех градом осколков. Одно-единственное окошко, которое было в этой затхлой палате, превратилось в пыль, и теперь лишь решетки стояли на пути прохладного ночного ветра. Жесткие ремни разорвались под моим натиском, и вот он – крохотный шанс вырваться.

В палате всего два санитар, медсестра и доктор Оливер.

Они отпрянули от меня, словно я была прокаженной, и я поспешила слезть с высокой койки, к которой меня приковали. Вот только мои ноги отказывались повиноваться, и я тут же упала на четвереньки. Острые осколки впивались в ладони и колени, но я проигнорировала боль и поднялась на ноги, цепляясь пальцами за края койки. В этот же момент санитары пришли в себя и набросились на меня, но я была быстрой и проворной, несмотря на наркотики, которые все еще текли в моих венах. Наверное, все дело было в мощном выбросе адреналина.

Медсестры и доктор Оливер ретировались. То ли за подмогой, то ли потому, что просто испугались. Так или иначе, я осталась наедине с двумя высоченными амбалами в белой больничной форме. Они напали на меня, но я снова увернулась. Мое тело взяло контроль над мозгом, обещая, что сможет во всем разобраться само. Я решила довериться собственным инстинктам, отключив какие бы то ни было мысли.

Здоровенная ручища замахнулась для того, чтобы врезать мне, но я перехватила ее. Несколько точных движений, и вот я слышу злобное ругательство, вой от боли и хруст костей. Просто музыка для моих ушей. Эти ублюдки получали свое собственное лекарство.

Все еще держа руку одного из санитаров круто вывернутой за его же спиной, я врезала ногой другому в пах. Удар вышел куда сильнее, чем можно было ожидать, и второй санитар повалился на пол, хватаясь за самое сокровенное муж-

ское место. Думаю, теперь там был оmlет.

Отталкивая от себя того из ублюдков, чью руку я держала в плену, я резко бросилась к незапертой двери. Выскочив в холодный коридор, я бросилась к выходу из корпуса, прекрасно понимая, что у меня нет шансов сбежать. Думать о том, каким образом я разбила лампочки и стекла в палате, времени не было. Я просто пыталась уйти от санитаров, врачей и злобных медсестер как можно дальше, хотя и осознавала, что они очень быстро меня догонят. Я в ловушке, из которой нет выхода.

Из порезов на руках и ногах струилась кровь. В лунном свете, который проносился по коридорам, поблескивали темные следы. Они найдут меня по этим следам. Я знаю, что найдут, но продолжаю бежать. Голые ступни едва касаются холодной плитки, которой покрыт пол. Бежать. Нужно бежать еще быстрее.

Предо мной двустворчатые двери, ведущие в другой корпус. Что это за отделение? Не знаю. У меня нет времени для того, чтобы разобраться в том, куда я бегу. Не сбавляя скорости, я влетаю в эти двери и бегу мимо сотен палат. Больные, переполошившиеся от того, что кто-то бежит по коридорам поздней ночью, начинают заглядывать в решетчатые окошки на своих стальных дверях. Они тычут в меня пальцами. Я слышу их невнятные голоса, смешки, бульканье, вои. Это сводит меня с ума, хотя я могла бы привыкнуть к подобному за те годы, что нахожусь здесь. Но я все еще не привыкла.

Я все еще не могу терпеть этого гомона. Не этой ночью. Не когда адреналин борется с наркотиками в крови.

Предо мной развилка. В доли секунды я решаю свернуть влево, и вот очередной длинный коридор с палатами. Но этот коридор гораздо темнее из-за отсутствия окон. Мне сложно бежать все на той же скорости, но я не смею остановиться. Мои легкие горят адским пламенем, но я игнорирую их. Вперед. Только вперед. Я должна бежать еще быстрее.

Что-то попадаете мне под ноги, и я буквально валюсь кубарем на плиточный пол. Боль обжигает левую руку, но я все еще пытаюсь встать. Ничего не выходит. Ноги отказываются поднимать тело, и поэтому я ползу, размазывая кровь по белой плитке. Еще немного. Нужно уйти еще хотя бы чуть-чуть. Но зачем? Они все равно найдут меня. Ведь я все еще в этом ужасной месте.

И все же я ползу в неизвестном направлении, не видя ничего, что было бы дальше моего носа. Мне удастся нащупать стену и, опираясь на нее, я снова пытаюсь подняться на ноги. Боль пронзает мою голову, и я чувствую как что-то горячее медленно течет по лбу, капает на левый глаз и словно слеза стекает по щеке. Наверное, упав, я разбила голову.

– Сюда! – кричит кто-то совсем недалеко.

Санитары. Их больше и они жаждут мести. Они уничтожат меня. Эти уроды в сговоре с врачами, которые превращают мою жизнь в ад. Им не нужно убивать меня. Достаточно лишь применить один из методов «лечения».

Нащупав что-то в темноте, я быстро понимаю, что это большая тумбочка с чистым бельем или еще чем-то. Я прячусь за ней, скрутившись в комок. Бежать больше некуда. Схватившись за собственные колени, я закрываю глаза, мысленно моля Всевышнего убить меня раньше, чем эти уроды найдут меня.

В коридоре включаются яркие лампы.

«Пожалуйста. Забери меня», – отчаявшись, молю я.

Простой гомон больных превращается в какофонию звуков. Крики становятся еще сильнее. Бормотание более отчетливым. Некоторые даже сыпят проклятиями в сторону санитаров. В ответ слышны звонкие удары резиновыми дубинками по металлическим дверям. Санитары все ближе. Я слышу их шаги. Я даже могу различить их дыхание в этом сплошном хаосе звуков.

– Мы тебя не обидим, – обещает один из санитаров, перекивая всеобщий шум. – Если ты выйдешь и просто пойдешь с нами, то все будет хорошо.

Мне так хочется рассмеяться! Они все еще не заметили меня и только поэтому дают такие бестолковые обещание. Конечно же, как только мой тайник будет раскрыт, меня снова свяжут по рукам и ногам. Наверное, снова будут бить током или еще чего похуже. Ведь я для них никто. Еще одна неприятность, за терзания которой платят скудные деньги.

– Тали, – медленно растягивая мое имя, зовет другой санитар. – Выходи.

Они думают, что если будут обращаться ко мне, как к ребенку, то смогут заставить верить им? Как бы не так! Да, мне шестнадцать, и да, я самая молодая в этой чертовой лечебнице, но это не означает, что они смогли выжечь мне мозг. Хотя пытались, уж поверьте.

Неожиданно я понимаю, что скрываться нет смысла. Еще пара шагов, и они все равно увидят меня, скрутившуюся за ящиком с какой-то ерундой. И они схватят меня. Я знаю, что на этот раз не смогу справиться с санитарями. Их наверняка больше, чем двое. Головокружение превращается в тошноту, и я едва могу удержать в себе свой скудный обед.

Но, несмотря на страх, я все же нахожу в себе силы подняться на негнущихся ногах, и вот я во всей своей изодранной и окровавленной красе стою напротив пяти санитаров. Какой же жалкой я, наверное, выгляжу со своими потрепанными волосами, худощавым лицом, хрупким телом и в перепачканной кровью рубашке! Но плевать я на это хотела. Они не сломали меня раньше и не сломят в будущем, что бы там ни придумал доктор Оливер.

– Хорошая девочка, – одобрительно кивает один из санитаров, и все пятеро тут же направляются ко мне.

Хорошая девочка? Как бы не так!

Как только санитары приближаются ко мне, я снова ощущаю прилив сил. Откуда во мне столько злости? Жестокости? Почему мое тело так легко превращается в машину для убийств и всегда знает, как поступить? Кем я была до того,

как попала в лечебницу? Эти вопросы пролетают в моей голове с невероятной скоростью в то время, как тело принимает боевую стойку.

— Тише, — успокаивающе говорит санитар, примирительно поднимая руки. Он ведет себя так, будто я загнанный в угол зверек, больной сказом. Возможно, он прав. И тогда я, черт его дери, изгрызу их всех. — Спокойно, девочка. Все хорошо.

Кто-то заходит мне за спину, пока я отвлечена одним санитаром, и с силой хватает меня, прижимая мои руки к телу. Я отпихиваюсь и верещу, но ничего не помогает вырваться из мертвой хватки какого-то пропотевшего мужлана. Приходится пинать ногами тех, кто пытается подойти ко мне спереди, но и это не особенно помогает. Я чувствую, как в мою шею снова впивается какая-то игла, и сознание тут же начинает затуманиваться. Мои попытки вырваться становятся все слабее, веки тяжелеют.

Один из санитаров берет меня на руки, и моя голова безвольно откидывается назад. Я все еще балансирую на грани реальности и забвения, в эту секунду мне кажется, что я вижу чьи-то серо-голубые глаза. Я узнаю их. Парень, который напал на меня этим днем, выглядывает из своей палаты в маленькое окошко и улыбается. Он одобрительно кивает мне, и это последнее, что я вижу этой ночью.

Привычный громкий голос одной из медсестер выдергивает меня из бессмысленного сна. Садясь на кровати, я потягиваюсь и тут же ощущаю, как полыхают легкие. Удивленно

пялюсь на свои перевязанные ладони. Что произошло?

— Ты долго будешь копать? — недовольно спрашивает медсестра.

Я быстро поднимаюсь на ноги и чувствую, как ступни неприятно жжет. Поднимаю одну ногу и вижу сотни маленьких, но видимо глубоких, ран. Будто по битому стеклу ходила. Но откуда это все?

Я не пытаюсь задавать вопросы медсестрам. Они никогда не отвечают. А если буду доставать, то позовут санитаров, и те еще и нагоняй дадут. Уж лучше разобраться во всем самой. Но позже. После завтрака.

Иду вслед за другими пациентами в столовую. Это большое помещение с несколькими десятками небольших столиков на четверых. Кормят нас не ахти. Иногда мне даже не удастся вычислить, что именно лежит в моей тарелке, но есть приходится. Голодная смерть это явно не мое. Поэтому я беру поднос и следую в общей очереди, состоящей из больных, которые достаточно вменяемы для того, чтобы есть в столовой. Вы удивитесь, но таких не так уж и много. Бурая жижа, которую кто-то назвал овсянкой, и несколько ломтиков хлеба с чаем — вот что я получаю на завтрак.

Плетусь к столику, за которым всегда сижу с Тимом. Стараюсь не замечать других больных, но некоторые как-то странно на меня посматривают. Более странно, чем обычно. Тим уже сидит на нашем месте. Вид у него угрюмый. Наверное, этой ночью ему снова ставили какие-то капельницы

или давали препараты, после которых люди часто становятся безмозглыми слюнопускающими идиотами. Но мой друг гораздо крепче многих.

Тим отвлекается от сосредоточенного ковыряния овсянки и поднимает на меня взгляд. На мгновение он ошарашено выпучивает глаза, а затем громко присвистывает.

– Тали, – потрясенно бормочет мой друг, и я не понимаю, что его так поражает в моем внешнем виде. – Где ты, черт побери, была все эти дни?

Теперь пришел мой черед удивленно пучить глаза.

– О чем ты? – спрашиваю я и сажусь напротив Тима.

Парень смотрит на меня с беспокойством, и его руки начинают заметно дрожать. Он судорожно потирает их.

– Я не видел тебя несколько дней. Ты не приходила в общий зал и не выходила на прогулки. Я уже было подумал... – Тиму не нужно было заканчивать фразу, чтобы я поняла ход его мыслей.

Рано или поздно кто-то из нас умирал. Чаще всего этого никто не замечал, и поэтому никому никогда ни о чем не говорили. Мы с Тимом были своего рода исключением, так как всегда держались друг за друга. Если бы он исчез на несколько дней, я бы сошла с ума по-настоящему.

– Ты ничего не помнишь? – понизив голос до взволнованного шепота, спросил мой друг. – Совсем?

Я покачала головой и нахмурилась, пытаюсь осознать, что пробыла в забытьи несколько дней. Но почему? Как такое

произошло? Нужно разобраться в том, что я помню последним.

Я в общем зале. К нам приводят новичка и кладут его в пустующее кресло Тима рядом со мной. Я хочу его разбудить, и он нападает на меня. Пытается придушить. Затем завязывается драка. Всех разгоняют по палатам, а меня отводят в процедурную и...

– Я ничего не помню, – вздыхаю я. – Совсем.

Тим тянет ко мне руки. Он хочет прикоснуться к бинтам на моих ладонях. Хочет как-то утешить или успокоить, хотя и сам здорово напуган. Я уже почти ощущаю его прохладное, успокаивающе прикосновение, но тут прямо между нами на стол шлепается железный поднос с тарелкой бурой жижи. Мы с Тимом подпрыгиваем на месте, и я замечаю, как краснеет мой друг. Сначала от смущения, потом от злости. Только одно существо в нашей больнице может так злить Тима.

– Привет, – самодовольно усмехаясь, говорит парень, который напал на меня в последний день, который я запомнила. – Вижу ты оклемалась, воробушек.

Я не сразу смекаю, что эти слова адресованы мне. Несколько раз глупо моргаю, не зная, что ответить. Парень тем временем отодвигает пустой стул между мной и Тимом и разваливается на нем так, будто это шикарное кресло, а не жесткая деревяшка с неровной спинкой.

– Тебя сюда никто не звал, – недовольно говорит Тим, ко-

торый пришел в себя куда раньше меня.

Тим сверлит парня самым недовольным взглядом, на какой только способен, но я понимаю, что безумцу, сидящему между нами, это до фени. Этот парень выглядит самоуверенным и вполне вменяемым. Хотя, за те несколько дней, которые я провела непонятно как и непонятно где, он немного похудел, а на изгибах локтей появились следы от капельниц. Под ясными серо-голубыми глазами залегли тени, а волосы стали неопрятными и грязными. И все же он казался все таким же привлекательным, сильным и поразительно притягательным. До того момента, как открывал рот.

– Ну, так как тебе спалось, воробушек? – совершенно игнорируя Тима, поинтересовался парень.

– Не называй ее так! – резко рявкнул Тим и тем самым привлек внимание нескольких санитаров. Я сжала дрожащую руку друга, чтобы он успокоился и держал себя в руках. Мне не хотелось, чтобы все закончилось новой дракой, в которой я каким-то образом оказалась крайней.

Но вместо того, чтобы снова проигнорировать слова Тима, безумец медленно повернул голову в его сторону.

– Почему нет? – спросил он, широко ухмыльнувшись, но эта улыбка показалась мне какой-то опасной. Будто оскал дикого животного, которое предупреждает о границах своей территории. – Если бы нашей милой Тали что-то не понравилось, она тут же высказала бы свое недовольство. Уж кто-кто, а она постоять за себя может, верно?

Последние слова были обращены ко мне и сопровождались многозначительным взглядом. Будто этот парень мысленно говорил: «Ведь ты понимаешь, о чем я?». Вот только я не понимала. И откуда он знает мое имя?

— Кто ты такой? — спросила я вопреки тому, что чаще всего молчала в присутствии других больных или же врачей.

Почему я задала именно этот вопрос? Почему не возмутилась из-за дурацкого прозвища? Почему не спросила, что означают его слова? Его взгляд, его голос и интонация завораживали меня, словно медленный танец кобры. В этом парне было что-то такое темное, опасное и непредсказуемое, что заставляло меня не просто идти к нему навстречу, а прямо с разбега бросаться в огонь. И это чувство мне было смутно знакомо.

— Джеймс Озборн, — представился парень и даже ответил мне насмешливый полупоклон. Я следила за каждым его движением, и они казались мне грациозными, несмотря на весь едкий яд сарказма, который он так и источал каждой клеточкой своего тела. — Твой покорный слуга.

Тим чуть не лопался от недовольства, но когда Джеймс взял мою ладонь и поднес ее к губам, что-то внутри моего друга треснуло, надломилось и сломалось окончательно. Он вскочил на ноги, схватил свой поднос и умчался прочь. Вскоре я поняла, что он уговорил санитаров отправить его обратно в палату, и меня стали мучить угрызения совести, хотя я и не понимала, что такого сделала.

Джеймс осторожно сжал мою перевязанную ладонь, и его прикосновения показались мне такими же мощными, как электрошок. Он оставил в моей ладони какой-то маленький бумажный сверток и, улыбнувшись самой обворожительной улыбкой, поднялся на ноги.

— Еще увидимся, воробушек, — подмигнув, проговорил парень и, забрав свой поднос с нетронутым завтраком, ушел восвояси.

Еще несколько минут я тупо смотрела ему вслед, не до конца понимая, что произошло, а затем разжала пальцы той руки, к которой всего пару минут назад касались губы Джеймса. В ней лежала маленькая шоколадка в белой бумажной обертке. Я ошарашено пялилась на шоколадку, раздумывая, как Джеймсу удалось ее раздобыть. Несколько раз я уже видела такие сладости в кабинете своего доктора, но ваза с шоколадками всегда стояла в недоступном для больных месте.

Опомнившись, я быстро сжала сладость в кулак, чтобы никто ничего не заметил, и отвернулась к пыльному окну столовой. Когда я снова решила взглянуть на шоколадку, то заметила, что на обертке было аккуратно выведено красной ручкой одно-единственное слово: «Извини».

Но за что извинялся Джеймс? За то, что напал на меня? Или за что-то еще? Возможно, он извинялся за то, что лишь должно случиться. Но что тогда на уме у этого странного безумца?

3. Эксперимент

Странно было ощущать на себе чей-то взгляд. Не то что бы на меня раньше никто не смотрел, просто я была уверена, что это не делали так пристально. С тех пор, как Джеймс Озборн заговорил со мной в столовой, прошла уже целая неделя. Казалось бы, моя невообразимо унылая жизнь вернулась в свое привычное русло. Однотипное расписание, состоящее из постоянных процедур, лекарств и унылого времяпровождения. Все те же несносные лица тупоголовых санитаров, злых медсестер и бессердечного врача. Тим, который быстро пришел в себя после выплеска негодования. Мы все так же вместе завтракали, обедали и ужинали в столовой. Все так же мечтали о жизни, которой у нас никогда не будет. Я даже смирилась с тем, что из моей памяти вылетели несколько дней, которые прошли непонятно как и непонятно где. Какой смысл над этим думать? Ведь я и раньше знала, что большинство препаратов и методов лечения могут стереть не только несколько дней, но и всю твою жизнь.

Но за фасадом обыденности скрывалось что-то куда более важное. Я чувствовала его взгляд.

Джеймс появлялся на прогулках или в общем зале так же, как и любой другой пациент. Он не подходил к нам, не говорил с кем-либо еще, если его к этому не принуждали, и вообще вел себя, словно его разум покинул тело. Вот толь-

ко это было не так. Я чувствовала, как он следит за каждым моим шагом. Стоило мне обернуться, и я тут же натыкалась на взгляд серо-голубых глаз, в которых было столько жизни, сколько я не видела даже в здоровых людях. Но почему он так смотрел на меня?

– Ты снова это делаешь, – раздался недовольный голос Тима, который прервал мои размышления.

Я рассеянно перевела взгляд на друга, пытаюсь осмыслить его слова.

– Ты о чем? – спросила я непонимающе.

– Пялишься на Озборна, – недовольно пробормотал Тим и уткнулся в свой листок бумаги, на котором он успел создать целый мир. Как долго я просидела в задумчивости? Судя по сложному рисунку – несколько часов как минимум.

– И вовсе я не пялюсь! – слегка покраснев, что было мне совершенно несвойственно, пробормотала я.

– Конечно, – усмехнувшись совсем невеселой улыбкой, проговорил Тим. – Ты всего лишь не сводишь взгляда с мистера Совершенства.

– И с каких это пор он мистер Совершенство? – недовольно пробурчала я, разглядывая свои неровные ногти.

Вместо ответа я услышала лишь тяжелый вздох, а в следующую минуту передо мной и Тимом возник один из санитаров. Он попросил моего друга следовать за ним, и я ничего не могла сделать, кроме как смотреть, как худощавая фигура моего Тима скрывается за большими дверьми. Откуда

взялось это ужасное чувство пустоты в груди? С тех пор, как Джеймс Озборн появился в нашей лечебнице, мне все больше казалось, что я теряю единственного дорогого для меня человека.

Тим был прав – я действительно часто смотрела на Джеймса. Но не потому, что он привлекал меня как очень симпатичный парень. Я просто пыталась понять его. Был ли он сумасшедшим по-настоящему или же больше походил на нас? Как Джеймс оказался в лечебнице, и был ли у него шанс выбраться отсюда? Была ли у него семья и жизнь до того дня, как парадная дверь этой жуткой дыры закрылась за его спиной? Мне просто было интересно.

Медленная, тихая, но очень нежная мелодия зазвучала в зале. Она была такой тихой и ненавязчивой, что поначалу я даже не заметила ее, но когда мои мысли перестали занимать все пространство в голове, я уже не могла не слушать. Наверное, я не слышала в своей жизни ничего более прекрасного. Звуки, которые издавало старое пианино, а ведь до недавнего времени я мечтала, чтобы мне дали в руки топор и позволили разрушить эту адскую штуковину, теперь стали центром всеобщего внимания. Больные смотрели на играющего, разинув рты и капая слюной на деревянный пол. Несколько санитаров и медсестер, которые зачастую были безразличны ко всему, что происходило в этом зале, казалось, тоже заслушались.

Я медленно поднялась со своего места и взглянула на иг-

рающего, заранее зная, кого увижу. Никто никогда не играл на этом инструменте по-настоящему. Никто никогда не издавал таких красивых звуков. Но вот он, Джеймс, сидит и играет, полностью поглощенный музыкой. Его длинные ловкие пальцы умело перебирают клавиши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.